— Идут, — говорит Гарри, и от внезапности я роняю палочку. Невозможность пользоваться ею по назначению привела меня к мысли приспособить её для развлечения. Вот я и тренируюсь крутить её вокруг пальцев. Круто смотрится, как мне кажется. А, может. и нет. Но я остаюсь неколебим в своих намерениях и, подняв палочку, продолжаю её вращать.

— Хватит мельтешить! — возмущается моей забавой Гермиона. — Нервничаешь?

— Не думаю, — совершенно искренне удивляюсь я вопросу. — Ау, Гермиона. Представь на минутку, что у меня это отлично получается. Круто смотрится, а?

— Что? Нет!

— Правда? А ты как считаешь, Гарри? Представь, что у меня всё так плавно да ещё и быстро крутится, — я пробую повернуться к нему, не останавливая развлечения с палочкой. Но в результате та опять выпадает и издаёт стаккато на каменном полу.

— Тяжко представить такое, — честно отвечает он, пока я опять подбираю свою палочку, а он убирает карту. — Покуда это жалкое, душераздирающее зрелище.

— Шли бы вы в задницу, камрады, — обиженно соплю я. — Меня убедили, что будет классно смотреться, надо лишь потренироваться.

Гермиона тихонько фыркает — всё бы ей глумиться над бедным мной, и палочка опять выпадает, но я ловлю её на лету, прижимая к ноге. Выпрямляясь, отмечаю появление из-за угла высокой фигуры Блейза. За ним идут Трейси и пара сестёр-брюнеток. Я улыбаюсь им, и моя улыбка растёт, контрастируя с хмуростью Блейза. На душе легко и радостно от ответной улыбки Астории.

— Спасибо, что передали мою просьбу, мистер Забини, мисс Дэвис. Счастлив видеть вас снова, Дафна, Астория, — последняя упомянутая улыбается ещё шире. — Астория, это мои дорогие друзья, Гарри Поттер и Гермиона Грейнджер, — я поворачиваюсь к упомянутым. — А эта прекрасная молодая леди, о ком я не перестаю вам рассказывать, Астория Гринграсс. — Представленная барышня мило краснеет. — Мы всё ещё идём на бал сегодня?

— Да, идём. Я очень рада познакомиться с вами, мистер Поттер, мисс Грейнджер, — отвечает она с очаровательным книксеном.

— Взаимно, мисс Гринграсс, — отвечает ей Гермиона.

— Значит хитрющий мошенник Уильям завлёк вас в свои сети? — ухмыляется Гарри.

Она смеётся в ответ, вот уже они втроём принимаются обсуждать меня, грядущий бал и наше в нём участие. Я же поворачиваюсь к Дафне, и моя предвкушающая улыбка разбивается о её

безразличие. Обхожу Асторию и приближаюсь к ней, чтобы разделить нас на разные группы беседующих. Подчиняясь просьбе в быстром взгляде Дафны, Трейси подхватывает под руку Блейза, чтобы присоединиться к Астории и дать нам пространство.

— Я извиняюсь за прошлый раз, Дафна, — говорю без вступления.

Она выдыхает и смотрит в сторону

— Ты просто… Ты застал меня врасплох, неготовой. Извини, что я оглушила тебя.

Мы оба неловко переминаемся, и я решаю разрядить атмосферу.

— Я говорил Астории, что в следующий раз буду спрашивать, и ты полюбуешься сальто назад в моём исполнении.

Дафна покашливанием скрывает смех, а потом совершенно застаёт меня врасплох, сделав шаг вперёд и неловко обняв, в то же время стараясь свести к минимуму соприкосновение наших тел. Ошеломление помогает сопротивляться искушению расплющить её.

— Постарайся, и я непременно оценю, — делает она шаг назад.

— Для пущей ясности, — добавляю я с нарочитой серьёзностью. — Ты, конечно, можешь делать всё, что тебе угодно, но в следующий раз я вряд ли смогу удержаться от обнимашек.

— Отдышись сначала, — пытается не улыбаться она.

— Ты понимаешь, что тебе не избежать моего приглашения на танец? — меняю я тему.

— Да, предполагаю неотвратимость этого события, — всё с той же скрытой насмешкой.

— Прояви мудрость и опасайся. Несмотря на натаскивание Гермионы, я всё ещё ужасающий танцор. Величайшим достижением для меня было бы всего лишь раз за время танца наступить на ногу партнёрше.

— Не слушай его, он уже не настолько плох, — вмешивается Гермиона. Я вдруг понимаю, что они бросили свой разговор, скорее всего поражённые инициативой Дафны. — Вчера он всего раз наступил мне на ногу.

— Вы тренировались? — удивлённо спрашивает Астория.

— Ну да, — смущённо пожимаю я плечами. — Гарри же придётся танцевать перед всеми.

— Р-р-р, не напоминай мне! — с отвращением говорит упомянутый персонаж.

— ...а мной двигает желание не отправлять партнёрш в больничное крыло. В этом есть гигантский практический смысл! — уже триумфально заканчиваю я и гордо выпрямляю шею.

— Но откуда вы берёте музыку? — встрепенулась Трейси, чувствуется у неё личная заинтересованность. А после краткого взгляда понятно, что у Астории тоже.

— Это одна из моих страшных тайн, — стараюсь я как можно правдивей изобразить иллюзиониста-шарлатана.

— Ох уж этот Уильям со всеми его тайнами, — Гермиона аж прищёлкивает языком.

— А почему бы нам не показать? — прочистив горло, предлагает Гарри.

Бросив ему удивлённый взгляд, я строю извиняющуюся мордочку слизеринцам.

— Извините нас, мы только на минутку, — и, подхватив Гарри с Гермионой под руки, отхожу с ними на несколько шагов и ставлю чары уединения. Сам встаю спиной к слизеринцам, чтобы они даже случайно ничего не прочитали по губам.

— Что такое, Уильям? — спрашивает Гермиона.

— Я просто хочу удостовериться, что мы всё ещё в одной лодке, — говорю им быстро. — Думаю ничего страшного не будет, если мы покажем им комнату. Главное, чтобы они не видели, как она вызывается, и не знали, как она работает. Ты разве забыла наши опасения, если кое-кто, включая профессоров, узнают про комнату?

— Я прекрасно помню, что ты говорил. Но не помню никакой жуткой убедительности в твоих словах, — слегка серьёзней отвечает Гермиона. — А кроме того, когда Луна пыталась зайти, то не смогла, пока мы были внутри.

— Если ты скажешь комнате, что хочешь что-то спрятать или наоборот, найти, тебе откроется склад забытых вещей. Вообще — это огромный зал с грудами всякого барахла, накопившегося в замке за сотни лет. Туда его помещает и магия замка — как например забытые или оставленные в разных версиях выручай-комнаты, но не созданные ею вещи. Эльфы тоже притаскивают. А профессор Трелани в подпитии повадилась таскать туда пустые бутылки из-под шерри-бренди. М-да, заболтался... Так вот, там есть как минимум два опасных предмета, может больше. Помните я вам рассказывал, где лежит потерянная диадема Ровены Равенкло? — Гарри с Гермионой одновременно бледнеют, на что я уверенно киваю. — Да, крестраж, который опасен для нас, а для Гарри, возможно, очень болезненен. Джинни два гола назад помните? Второй опасный предмет — пока сломанный исчезательный шкаф. Парный к нему сейчас находится во владении нечистой на руку личности. Зайдя в один шкаф, ты тут же

оказываешься в другом вне зависимости от количества и качества защитных барьеров между ними, — резко замолкаю, чувствуя, что меня опять понесло.

— Н-но как об этом узнают профессора? — спрашивает Гермиона. — Что в этом плохого вообще?

— Помните про татуировку на руке главы их факультета? А Квиррела?

— Но ты же сам сказал, что Снейп на нашей стороне, а Квиррела уже нет!

— Причина в том, что Дамблдор не идеален, отнюдь не всё в замке в его власти. Особенно при теперешнем большом количестве посторонних в замке. Если же тайна выйдет наружу… — понятно, что про себя я думал о Крауче-Хмури. Мне действительно не хотелось давать ему какого бы то ни было преимущества над нами и возможностей нам навредить. Чем меньше он знает о моей помощи Гарри, тем лучше. Пусть даже он не считает мою помощь несущественной, но в точности ему ничего не известно.

— Ладно-ладно. Пусть будет по-твоему, — говорит Гарри. — Вреда никому не будет, хотя в этом случае беспокоится особо не о чем. Пошли, откроем комнату, но как она работает, оставим в тайне.

— Хорошо, — кивает Гермиона, обкусав себе губы.

— Извиняюсь за задержку, давайте пройдёмся, — улыбаюсь я слизеринцам, убрав чары уединения.

— Не вздумай завести нас в ловушку, Лернер, — угрожает Забини, но Трейси закатывает глаза и подхватывает его под руку:

— Брось выделываться, Блейз. Пошли, я хочу посмотреть.

— Если там хоть чуточку опасно, — предупреждает меня Дафна, скосив глаза на сестру.

— Нет, конечно. Совершенно. Мы просто пойдём в упомянутую комнату. За мной, пожалуйста, — рассмотрев возможность, я решаю не предлагать руку Дафне, поскольку чувствую, что потерял слегка в её глазах, когда отвёл Гарри с Гермионой в сторону. Поэтому с улыбкой предлагаю руку Астории. — Отсюда прекрасные виды, не правда ли?

— Лернер… — предупреждает Дафна.

— Извини, Дафна, я бы предложил руку тебе, но ты смотрела на неё, как будто собиралась отпилить её колдовством. Да к тому же Астория — моя партнёрша, и я не желаю, чтобы она

ощущала даже намёк на пренебрежение к ней.

Астория хихикает, цепляется за мой локоть, и мы неторопливо дефилируем за угол. Астория со мной впереди, за нами Дафна, потом Блейз с Трейси, а Гарри с Гермионой замыкают. Едва мы теряем из виду основной вход на этаж, как Дафна не выдерживает:

— Почему мы плетёмся, как дохлые клячи?

И тут я слышу слабые скрипы и скрежет.

— Наслаждаемся видами, конечно! Но я ошибся, мы случайно прошли мимо входа, — разворачиваюсь и иду обратно заметно более бодрым шагом.

— Но мы же не проходили мимо… — Дафна затихает, наткнувшись взглядом на улыбающегося Гарри рядом с появившейся дверью.

— Сюда, пожалуйста, — приглашает он.

На мгновение замираю, чтобы насладиться ахами-охами и изумлением на лицах, когда мы все заходим в комнату. Главное место в центре занимает танцплощадка, сияющая отлакированным паркетом. У дальней стены — слегка приподнятая сцена с расставленными и зачарованными музыкальными инструментами. С двух сторон стоят ряды удобных кресел, а все стены завешены плюшевыми бордовыми шторами. Гермиона спешит к сцене, чтобы запустить музыку, но не успевает до того, как со стоном и скрежетом дверь сливается со стеной. Дафна тут же выхватывает палочку.

— Что здесь происходит? — Блейз тоже достаёт палочку.

— Упс, я наверно должен был предупредить вас, — застенчиво говорю я. — Здесь мы тренируемся.

Как по заказу начинается медленная мелодия, и Гарри, видя неудобство новичков, начинает танцевать с Гермионой.

— Почему пропала дверь? — требует ответа Дафна, наставив на меня палочку.

— Нам не хотелось бы оставлять её открытой для кого угодно. Она возвратится, как только мы решим уходить.

— Я хочу уйти, — немедленно говорит она.

— Ох, да ладно тебе, Дафна, ну что такого? У нас ещё куча времени до ужина! Давай начнём бал пораньше. Уильям, потанцуй со мной! — схватив меня за руку, Астория утаскивает меня на площадку.

Внезапно меня охватывает волнение, но Астория без промедления кладёт мою правую руку себе на спину, свою левую — мне на грудь, а правой подхватывает мою свободную кисть. Тут в дело вступает мускульная память, и вот мы медленно кружимся по площадке.

— Ты волнуешься? — удивляется Астория.

— Да, — признаюсь я.

— Ты даже не моргнул ни разу, когда сестрица наставляла на тебя палочку, а ведь она уже оглушала тебя. А тут тебе боязно при мысли о танцах?

— Очнуться после заклинания требует гораздо меньших навыков, чем танцы с симпатичной девушкой, — я старательно изображаю свою обычную ухмылистую улыбку, а у самого внутри всё переворачивается.

— А с безобразной наоборот? — сдвигает она брови совершенно в стиле Дафны.

— Туше. Но доказывает лишь то, что такие красивые девушки, как ты, сеют разруху на поле моих умственных способностей.

— Кроме твоей способности к заигрыванию, очевидно.

— Уж извини, врождённая особенность.

— Угу. Готов к повороту с поддержкой?

— Совершенно н… — начинаю, но тут она с радостной улыбкой закручивается от меня, приподняв мою руку, потом с пируэтом приближается обратно. Совершенно машинально я придерживаю её за поясницу, а она элегантно откидывается назад на моей руке, вызвав удивительно слабое ощущение тяжести на ней.

— Держи спину, и не наклоняйся так сильно — я не упаду, — по её команде я выпрямляюсь, пока она всё ещё держит прогиб.

— Ух, извини, — блещу “красноречием” я.

— Оказывается, кое в чём ты весьма ограничен, — мягко смеясь, она выпрямляется, и мы

продолжаем танец.

— Импровизированный экзамен?

— Что ты, что ты? Добавила капельку уверенности, что у меня приемлемый партнёр для танцев.

— Сочувствую твоему везению.

— Не стоит, предлагаю посочувствовать себе, — драматически вздохнув, старается она скрыть улыбку. — Бедняжка.

Мелодия меняется после нескольких тактов, мы расходимся, и я вижу Дафну, Блейза и Трейси всё ещё стоящими там, где мы их покинули. Заметно, что они явно не в своей тарелке. Хотя последняя из упомянутых просто дёргается от желания танцевать.

— Попробуй потанцевать с Гарри. Ему тоже пара твоих советов не помешают. А я приглашу Дафну.

— Хочешь рискнуть?

— Пригласить легко...

Мы расходимся с Асторией в противоположные стороны, и приблизившись к Дафне, я протягиваю руку в приглашении:

— Можно с тобой потанцевать, Дафна?

Она сжимает губы и вперивается в моё лицо своим фирменным ледяным взглядом. Держу улыбку — вот бы ей побыстрее надоело.

— Ладно.

Всё так же улыбаясь, веду её на площадку. Там уже Астория кружится с напряжённым Гарри, а их обоих провожает взглядом слегка опечаленная Гермиона. Дафна зажата, но по ходу танца становится ощутимо раскованнее.

— Не пытайся провернуть те же трюки со мной.

— Даже не мечтаю попытаться. Кроме того, пируэт с поддержкой — целиком инициатива Астории. — Удивлённая Дафна бросает неодобрительный взгляд на сестру. А я продолжаю. —

Она открыла мне глаза — как нелепо я выгляжу, когда нервничаю насчёт танцев, в то время как даже глазом не моргнул под прицелом твоей палочки.

— Ты не только по этой причине выглядишь нелепо, — пробует охладить меня она.

— Как например то, что стараюсь быть тебе другом невзирая, что я тебе активно не нравлюсь?

— Поменьше драмы. Не настолько уж ты мне не нравишься.

— Сладчайшей музыкой течёт мне в уши речь твоя простая. А твоя искренность — как крылья за спиной, — смеюсь я.

Она только фыркает, оставив мои слова без ответа. Но вскоре лицо её опять серьёзно.

— Помни, ты обещал не вовлекать её ни в какие свои замыслы.

— Я держу обещания, — также серьёзен я.

— Тогда, почему ты меня не вовлекаешь? — интересуется она.

— Не уверен, что недоверие ко мне понизилось в достаточной степени.

Но на неё мой ответ не производит убедительного впечатления. Вздыхаю.

— Смотри, Дафна. Ты мне нравишься. Но я тебе… Такое впечатление, что не слишком. Нормально, когда мы на людях, Но среди друзей… — отрицающе кручу головой. — Поставь себя на моё место — должен ли я доверить тебе секрет, раскрытие которого перед некоторыми людьми будет означать практически неминуемую мою смерть?

— Я уже знаю достаточно для нанесения тебе непоправимого вреда.

Мне не остаётся ничего, как пытаться скрыть беспокойство от собственного осознания количества правды в её утверждении.

— Верно, но пока недостаточно, чтобы меня немедленно захотели убить.

— Я не сделаю этого, — тихо говорит она.

Мне хочется что-то предпринять, что бы это ни было, позволяющее ей в точности определить мою правдивость. Вместо этого я какое-то время молчу, формулируя ответ.

— Давай представим, что я — слизеринец, и поставь себя на моё место. В первую очередь мне стоит заподозрить, что весь твой подход — хитрая уловка для выдаивания тайн? Не ожидала бы от меня неких шагов, позволяющих мне убедиться, что даже если ты используешь меня для достижения собственных целей, эти цели совпадают или не противоречат моим?

— Не надо всех слизеринцев под одну гребёнку! — и взгляд, глаза в глаза.

— Нет, конечно, — фыркаю я. — Не у всех хватит мозгов даже сформулировать задачу. Но у тебя-то их достаточно. Не будет ли крайне глупо с моей стороны не рассмотреть проблему под таким углом? Ну вот, ты в курсе моей дилеммы — и хочется, и колется. Мне нужен твой взгляд и твой подход. У нас тут некое однообразие представлений даже о планах. Хороший план по Гарри — когда все, кроме него, в безопасности. Согласно Гермионе в безопасности должны быть все, компромиссы исключены. Может быть, твоего хитроумия хватит на создание лучшего, чем у нас плана. Но даже это не главное... Мне нужен кто-то со стороны — взглянуть на наши возможности непредвзято. Но... Я не могу довериться без уверенности в мотивах объективной наблюдательницы: а вдруг раскрытие моих тайн она посчитает наилучшим планом для себя? Нет-нет, я не думаю, что ты заранее планируешь такое! И всё-таки я вынужден определяться исходя из чистой и хладнокровной логики, а не руководствоваться предчувствием на основе интуиции или просто надежды на авось.

Она собирается было протестовать на фразу о раскрытии моих тайн, но я отвлекаю её дальнейшей “вспашкой” целинных залежей проявившегося поля наших взаимоотношений. Моя собеседница отвечает не сразу.

— Знаешь, наша семья не такая, как Малфои, которые женятся только ради статуса. Как думаешь, почему? Потому что мой отец очень высоко ставит ощущение счастья. Ты заметил, как я чуть не вцепилась в тебя, когда ты предположил возможность моего предательства. Мы, Гринграссы, не продаёмся задёшево, и я уже предложила свою помощь тебе.

Смотрю ей в глаза и в который раз надеюсь узнать, что за фокус у неё в кармане для определения правдивости собеседника.

— Тогда кто я для тебя? Как повлияет на твоё счастье моё исчезновение?

— Если оно станет результатом непосредственно моих действий, то очень сильно.

— А если оно не будет прямым следствием... — замолкнув, позволяю ей закончит мысль.

— ... я всё равно буду несчастлива, — отводя взгляд, говорит она. Молчим.

— В таком случае у тебя весьма необычный способ показывать это, — мягко продолжаю давить своё.

— Я всё ещё сама в это не могу поверить по-настоящему. Иногда ты бесишь меня больше, чем все остальные мальчишки вместе взятые. А иногда… — она замолкает.

— А может я специально вывожу тебя из себя изредка, чтобы нравиться тебе в остальное время побольше.

— Не удивлюсь, — фыркает она.

— Значит мои фокусы работают, — включаю пафос. — Я настолько часто говорил, что нравлюсь тебе, что ты в конце концов поверила.

— Не льсти себе, ты бы даже не додумался до такого, уж не говорю про исполнение!

— Я специализируюсь на льстивости, прекрасная леди.

— Свежо предание, а верится — с трудом.

— Это вызов? — и побольше удивления на лице.

— Тебе и вправду надо поменьше бесить окружающих, — да что ж такое с ней — опять фыркает!

— Тогда действовать не будет. Недаром Гермиона зовёт меня Погубителем Моментов.

И вдруг — как награда, как подарок — её искренний звонкий смех.

— Твоё идеальное описание. — Потом, взглянув за моё плечо, вдруг переключается на совершенно иную волну. — К слову о Гермионе. Сейчас пойдёшь с ней танцевать. А то смотрит она на тебя с та-а-аким расстройством во взоре. — И заметив мою серьёзность, тут же спрашивает. — А что такое между вами? Или между вами троими?

— Как я и сказал твоему отцу. Я люблю её, но не могу быть с ней. Гарри её любит, но думает, что не может быть с ней. Она любит нас обоих.

— По крайней мере двое из вас — глупцы, — и совсем несвойственная ей кривоватая усмешка. Я киваю.

— Глупый я, потому что не могу оттолкнуть её. Гарри глупый потому, что когда мы его протащим его через это, всё будет в его руках, в отличие от меня: возможности, время, свобода. Было бы желание… Гермиона… она-то как раз несчастная жертва нашей глупости. Я мог бы сказать, что она глупит, не пытаясь держать дистанцию со мной, но не могу раскрыть

ей настоящую причину, почему ей надо поступить именно так.

— В этом соревновании глупцов с огромным отрывом победу одерживаешь ты, — поправляет она своё суждение.

— Нет, я имею в виду, что я знаю, почему не могу быть с ней, — проясняю я свою точку зрения. — Но я не могу рассказать ей всего.

— Опять твои тайны?

— Угу. И чем дальше, тем хуже, — печально киваю я. — Я просто… не могу.

— Если я тебе нужна, чтобы оттолкнуть её, — говорит она, медленно подбирая слова, — это может работать прямо сейчас.

Лицу внезапно становится горячо.

— Прости. У меня даже в мыслях не мелькало использовать тебя так.

— Я слизеринка, — пожимает она плечами. — Если можно воспользоваться кем-то безболезненно… — она позволяет мне самому завершить мысль.

— Признаю, — вздыхаю я, — что рассматривал возможность отдалиться от неё, но мне было бы очень больно, уйди она полностью из моей жизни. Я слишком сильно в ней нуждаюсь.

— Ты странный, Уильям, — качает она головой. — Иди. А я посмотрю как хорошо Гарри танцует.

— А как я, мисс экзаменатор? — и смотрю с надеждой на неё. Она оценивающе оглядывает меня:

— Можешь потанцевать со мной сегодня.

Бросаю ей последнюю лёгкую улыбку, а потом иду к Гермионе и приглашаю её на танец.

— Вы на пару так трогательно смотрелись, — прищурив глаза, заявляет девушка.

— Я ей сказал про твой выбор прозвища мне — Погубитель Моментов. Прими от неё поздравления за точность формулировки.

Удивление на её лице быстро сменяется улыбкой удовлетворения. Какая же она симпатично тщеславная!

— Потом она спросила про нас, и я рассказал её как люблю тебя. Она думает, что я дурак, когда стараюсь оттолкнуть тебя.

— Так и сказала? — она кладёт голову мне на грудь.

— Да. Но она не знает истории того, как я сюда попал.

Кажется, она тяжело вздыхает, но не уверен

— Расскажешь ей?

— Скорее всего нет. Не в этой жизни.

— Что если она решит, что хочет тебя для себя самой?

— Она призналась, что я ей нравлюсь. Но по-моему, не в этом смысле. В любом случае это не такие чувства, которые я ощущаю к тебе. Если я не могу быть с тобой, то я точно также не могу быть с ней.

Я кожей ощущаю неодобрение на уткнувшемся в мою грудь лице.

— Пусть так, но я ревновала, глядя на ваши довольные лица.

— Мне постоянно приходится бороться с угрызениями ревности каждый раз, когда я вижу вас с Гарри, — мрачно усмехаюсь. — Хотя понимаю, что вы заслуживаете друг друга. Гарри может то же самое ощущает к нам, но я не удивлюсь, если он просто счастлив. Как человек, он лучше меня.

Она вздрагивает.

— Если я так действую на вас обоих, то… может нам не стоит проводить так много времени вместе?

— Я думаю о этом всё время, но я слишком слаб, чтобы отказаться от тебя. Ты того стоишь.

Она не отвечает и опять тяжело вздыхает.

— Дафна наконец подтвердила, что она желает помочь.

— Это всё, что она сказала?

— Ну да. Плюс ещё та часть, где она призналась, что я ей нравлюсь.

— Ты наконец наболтал ей достаточно, что она тебе поверила?

Я смеюсь, но на Гермиону мой смех не производит впечатления.

— Она уверена в своей неуязвимости от такого подхода. Но я же вижу.

— Удачный трюк, — смеётся она вместе со мной. — Это невозможно, чтобы ты не нравился.

— Наверное, играет роль количество моих масок и умение их вовремя менять, — мудро изрекаю я.

— Ей нравится не тот Уильям, которого знаю я? — слегка откинувшись, она удивлённо смотрит мне в лицо.

— У неё другой опыт со мной, чем у тебя, — пожимаю я плечами. — Уверен, что люблю я не совсем ту Гермиону, что любит Гарри. Но эти два моих варианта имеют одно общее — она, как и ты, не считает меня очаровательно смешным, а я такой в обоих ипостасях.

Она возвращает голову мне на грудь, и я ощущаю её улыбку, пока мы наслаждаемся мгновениями танца. Повернувшись, видим разговаривающую с Гарри Дафну и пытающихся подвигнуть Блейза Асторию с Трейси. Младшая из слизеринок перехватывает мой взгляд и устремляется от упрямого парня к нам с Гермионой.

— С ними надо что-то сделать, — раздражённо заявляет она. — Трейси просто умирает от желания потанцевать, только Блейз ведёт себя, как болван.

— Уильям, — отрывается от меня Гермиона, — ты должен пригласить Трейси на танец. Это должно пробудить его.

— Легко сказать, — смеюсь. — Это не вы будете целью заклинаний.

— Что-то тебя в прошлом это не останавливало, — настаивает Астория. Покаянно киваю под смех Гермионы.

— Останови его, попробуй. Тебе повезло, Уильям. Мне твоя пара очень нравится.

Сначала Астория удивляется такой открытой декларации, а потом ответно широко ей улыбается. Мы быстренько договариваемся, как вытащить Трейси и Блейза на танцплощадку, и Астория возвращается к слизеринской паре с хитрющей улыбкой.

— Ты был прав, она — очаровашка, — говорит Гермиона, а потом почти невнятно. — А через пару лет станет просто божественной.

Вместо ответа я притягиваю её и целую в макушку как раз в момент окончания мелодии. Гермиона последний раз прижимается ко мне, говорит спасибо и отправляется к Гарри и Дафне рассказать план. Я же двигаюсь в направлении Трейси под тяжёлым взглядом Блейза, который становится совершенно бешеным, когда я протягиваю Трейси руку.

— Прошу прощения, мисс Дэвис. Могу я пригласить вас на этот танец?

Но когда Блейз всё-таки не делает ни единого движения, чтобы остановить меня, Трейси награждает его неприветливым взглядом. Потом с вымученной улыбкой принимает мою руку и позволяет вести её на танцпол. Проходящая мимо на помощь Астории Дафна слегка нам улыбается.

— Извини, это целиком идея Астории с Гермионой.

Она преувеличенно недовольно надувает губки и спрашивает:

— Тебе не хочется со мной танцевать?

— Ну да, — я фыркаю. — Это просто пытка какая-то — присутствовать здесь, на нашем личном святочном балу и танцевать на нём с четырьмя прекрасными женщинами. — И тут я наступаю ей на ногу, когда она пропускает шаг, запинаюсь, стараясь не слишком надавить и в конце концов краснею, как помидор, от собственной неловкости. — Прости меня, ты окей?

— В порядке, я просто не… — она замолкает, потом помогает мне вернуться на место, и мы начинаем танец. — Извини, это моя вина. Я просто не привыкла слышать такое. Особенно, когда в подругах… — она замолкает и вспыхивает, когда осознаёт, что она едва не сказала.

— Гермиона, — улыбаюсь я ей подбадривающе, — называет моё поведение бесстыдным флиртом. Но с моей точки зрения, я абсолютно честен — “что вижу, то и пою”. — Чистая правда. Пусть фигура у Трейси не такая гибкая, как у Гермионы или Дафны, но по общему впечатлению от её округлостей и лица она — кто угодно, но не простушка.

— Нет, — крутит она головой, — я уловила. Ты хитрющий лис — хвалишь и раздаёшь комплименты всем, даже Драко. А поскольку никто этого не ожидает, то почти всегда ты захватываешь инициативу в разговорах.

— О нет, мисс Дэвис! Не раскрывайте мои маленькие секреты всем и каждому. Они — моя единственная ценность, мне больше не над чем будет чахнуть. — Её улыбка увядает. — Но для сведения, я говорил чистую правду насчёт танцев с четырьмя прекрасными женщинами. Это настоящее удовольствие без малейшей примеси мук.

— Всё-таки права скорее Гермиона, — фыркнув, делает вывод Трейси.

— Обычно да. Смотри, кажется действует, — киваю я на Дафну с Асторией, которые тащат сопротивляющегося Блейза на площадку, где Астория тут же втискивается между его рук, готовая для танца. Трейси смеётся над этой сценой, в которой Блейз, наконец, уступает и позволяет Астории вести его по кругу. — А что за соглашение между вами тремя, мисс Дэвис? Если вы не против моего вопроса, естественно.

— Не против, но я сама не знаю ответа, — вздыхает она. — Блейз, как и ты, неизменно формален, но, вдобавок, он в этой формальности закостенел. Если уж продолжать эту тему, то от него я получаю столько елейного формализма, что от тебя мне его не надо. Так что выбрось зелье и зови меня Трейси, хорошо? — Мы вместе смеёмся над упоминанием, но тут опять печаль омрачает её лицо. — Думаю, ему интересна Дафна, как и всем остальным. Но он больше полагается на меня, чем на неё, и ни разу он не говорил и не выказывал ни малейшего намёка на романтический интерес к любой из нас.

— А как ты сама?

— Предпочту не распространяться об этом, — пунцовеет она. — Дафна почти такая же, как он, — она вопросительно смотрит на меня. — Ничего не говорит, но, думаю, ты ей нравишься.

— Нравлюсь, она мне об этом говорила, — самодовольно улыбаюсь.

Вот тут она опять пропускает шаг, но, к счастью, мы поворачиваемся в разные стороны, и моя нога на этот раз не спотыкается.

— Она что?

— Ага. Думаю, сказывается заразность моего дара правды. Не знаю, нравлюсь ли я ей в этом смысле, но…

— Значит ты собираешься просить её… — её лицо выражает задумчивость. — … но как же тогда Грейнджер? Вы так… — окончательно запутывается она, а я тяжело вздыхаю.

— К сожалению, мы не вместе и никогда не будем. И это независимо от того, какие чувства испытывает Дафна ко мне.

— Почему нет?

Я молчу, пытаясь вычислить, что сказать. Очень не хочется, особенно потому, что Астория, возможно, тоже спросит.

— Секрет, — выдаю наконец. Она вздёргивает голову и странно меня рассматривает, но никак не комментирует. После минуты молчаливого и в каком-то смысле механического вальсирования недавняя мысль про Асторию спускает курок ощущению странного неудобства. А потом меня осеняет. — Ах, да! Так и знал, что что-то забыл!

— Что?

— Я собирался поблагодарить Дафну и Асторию за подарки. А они… не упоминали, что я им сделал?

— Ты сделал им подарки? — опять искренне удивляется она.

— А, ну да… Это… — у меня отнимается язык, и я краснею.

— Они не упоминали про них, — мягко говорит она.

— Ладно, — сердце пропускает такт. — Это ожидаемо. Они, наверное, привыкли к большей элегантности.

— А вот я уверена, что они просто закрутились — я их сразу по возвращении огорошила, что вы их ждёте, — подбадривает она меня.

— М-м-м, — мычу я, избегая слов, чтобы не пришлось скрывать разочарование в голосе. После нескольких тактов песня заканчивается. — Благодарю за танец, мисс Дэ…

— Трейси.

— Хорошо, Трейси, — улыбаюсь ей. Она с улыбкой изображает лёгкий книксен перед тем, как направиться к Блейзу с явным намерением вытребовать танец с него. Бедный Блейз: коготок увяз — всей птичке пропасть. А я отправляюсь к Дафне.

— Ой, Дафна. Я совсем забыл поблагодарить тебя за подарок… У меня не было возможности почитать книгу, из-за Гермионы эти редиски ввели правило “никакого чтения подарков при распаковке”, чтобы не затягивать до неприличия. Но смотрится замечательно, спасибо тебе.

Она тихонько смеётся, вполне оценив необходимость правила.

— Рада, что тебе понравилось. — Потом она с серьёзным видом понижает голос. — Я помню, ты

сказал, что сделал дурацкие цацки. Но ни одна из этих вещей ни в малейшей степени не дурацкая. Рамка прекрасна, ты должно быть целую вечность потратил.

Я тут же вспыхиваю на её искреннюю похвалу.

— Фото… заслужило хорошей оправы.

— Не могу поверить, что ты действительно смог сфотографировать тот момент, — фыркнув, говорит она. — Ты что, распланировал весь тот разговор?

— Ну, — победно улыбаюсь я. — Я только правильно расположил нас и сказал ему поймать твою улыбку. Остальное было отдано на волю случая.

— Случай, говоришь… перт.

— Именно так.

— И спаренная с гебо, — она улыбается и качает головой. — Чрезвычайно умнО, принимая во внимание, что он поймал также твою притворную мольбу и мой от ворот поворот.

— Я рисковал, надеясь, что ты именно так и поступишь, — боюсь, моя улыбка слишком грустна. — С другой стороны… — и её улыбка исчезает. — Мне хотелось…

— Не говори, — она поднятой рукой прерывает моё очевидное сожаление, что могло бы быть всё по-другому. — Не надо. Спасибо и за медальон. С ним тоже специально намудрил?

— Я как-то подслушал, как тебя называют снежной королевой, так на тиаре появилась иса.

— Снежная королева? — удивляется она. — Очень смешно. Тогда кеназ сзади символизирует тебя, готового растопить моё ледяное сердце?

— Ты тоже слишком много всего перечитала.

— Определённо, — очевидно, что она ни на грош не верит мне. — А камни? Я думала ты сам изготовил все подарки?

— Это правда.

— А как ты… — а вот тут она по-настоящему удивлена.

— Как он сделал что? — спрашивает тишком присоединившаяся к нам Астория.

— Он сам изготовил тот светильник и барьерные камни, — Дафна не отводит взгляда от моих глаз.

— Это же!.. — Астория поражена ещё больше, чем сестра, а у меня от лица прикуривать можно, наверное.

— Ну, я хотел дать вам что-то полезное, а зачаровать деревянную резьбу мне пока не по силам, — смущённо пожимаю плечами.

— Впечатляет, Уильям. На самом деле, — искренне улыбается Дафна, не позволяя увянуть моему румянцу. — К слову о резьбе, ты сам-то понял смысл, вложенный в кулон Астории? В твоей записке ничего об этом нет.

К моему изумлению Астория вытягивает его из-под мантии. Относительно крупная, зачернённая змея бережно обвивается вокруг большого бледного яйца. Шея змеи отрывается от вершины яйца, потом опускается, касается кончика хвоста и вновь поднимается. Небольшого размера руна альгиз выгравирована на донышке. Длинная чёрная лента, пропущенная через образованную шеей змеи петлю, исчезает под её мантией.

— Я не помню, — честность и только честность. — Мне идея пришла в голову, когда я пытался решить, что же вырезать. И не отпускала меня. Времени оставалось мало, вот я её и воплотил.

Дафна смотрит мне в глаза и, предполагаю, видит правду.

— Это из греческой мифологии. Офион — это змей, который обвивается вокруг яйца, снесённого высшей богиней Эйриномой, из которого вылупилась вся наша вселенная. По преданию, предки моей семьи жили в древней Греции, и Гринграссы часто дают своим детям греческие имена. Моё значит лавр, Астория — это форма от Астреи, богини справедливости, в честь которой названо созвездие Девы.

— Вау! — всё, что я смог сказать. Я понятия обо всём этом не имел.

— Ты и вправду не знал, какой эффект могут оказать твои подарки, — в её глазах плещется веселье. — А я-то считала тебя исключительно сообразительным, хотя и беспокоилась немного о возможно скрытом там послании.

— Мама была готова практически тут же подписать брачный договор, — с огоньком в глазах сообщает Астория, но потом потухает. — Пока отец не рассказал о твоём… о тебе.

— Ах, и ты об этом слышала? — слегка морщусь я.

Астория кивает.

— Извини, Уильям, — сожалеет Дафна. — Я не ожидала, что отец всем расскажет.

— Всё окей, — пожимаю плечами. — Если твоя сестра не поменяла мнения насчёт бала сегодня вечером.

— Не поменяла и не поменяю, — твёрдо говорит Астория.

— Ну и замечательно. Потому, что я не собираюсь возвращать галстук, запонки и бутоньерку! Вот! — и я по-детски показываю язык под хихиканье Астории.

— Спасибо за них, кстати. Выглядят очень стильно. Я рад, что мы на равных. Некоторые мои друзья не верили, что я иду с симпатичнейшей девушкой школы, но когда я выйду с… Ой, больно же! Меня и Гермиона сюда постоянно лупит! — притворно сержусь я на Дафну.

— Нельзя хвалить другую девушке в глаза, — ещё сильнее хихикает Астория.

— Вот гадство.

* * *

— Ургх, ужасные кружева, — опять стенает Рон.

— Не знаю, по мне так вполне себе ничего, если волосы достаточной длины, — говорю я. У него так и есть, так что выглядит он как старый вампир из фильмов или кто-то вроде.

— Их не видно практически, если не теребить постоянно, — устав успокаивать рыжего, меланхолично отмечает Гарри.

Но тот всё равно теребит, очевидно нервничая. Мы ждём около большого зала, Гарри и Рон у подножия лестницы, ведущей к башне Гриффиндора, Невилл наблюдает лестницу к башне Равенкло, а я слежу за проходом к подземельям Слизерина. Тут мне приходит в голову, что я не спросил — кто партнёр Дафны? А, неважно, скоро узнаю.

Первой из наших партнёрш появляется Луна, и выглядит она… в-общем, как Луна — странная, неземная красавица в сером платье из материала, похожего на гофру. Как раз в тон её глазам.

Её обычно весьма всклокоченные светло-русые волосы элегантно зачёсаны назад, кроме пары волнистых тонких прядей,обрамляющих лицо и частично скрывающих пару серебряных серёжек, инкрустированных пурпурными самоцветами. На запястье левой руки красуется букетик фиолетовых цветов, окружённый искрящимися серебряными завитками и контурами лепестков. На правой руке такое же украшение, только без цветов.

— Ух ты! Луна смотрится прекрасно, — искренне радуется Гарри, глядя на Невилла.

— Именно. Невилл, рот прикрой, — негромко подшучиваю я, похлопывая по спине не сразу отправившегося к ней герболога.

Парвати, как в фильме, появляется на гриффиндорской лестнице вместе с сестрой, одетые в то, что я считаю (основываясь на одном просмотренном мною Болливудском фильме) традиционными индийскими платьями. Цвет одеяния Парвати оказался янтарным с малиновой окантовкой, а у Падмы — наоборот, малиновым с янтарной отделкой. У них обоих волосы разделены посередине и украшены серебряной цепочкой, на которой подвешен небольшой кулон чуть выше середины лба. Цепочка разделяется натрое около макушки, обёртывает волосы и, подходя сзади, касается серёжек. На запястьях — наборы ярких цветастых браслетов. Надетое на них полностью отличается от платьев остальных девушек, даже азиаток, и близняшки в этом одеянии смотрятся в высшей степени естественно. Падма отделяется и встречает парня из Равенкло, а Парвати подходит к Рону. Эта парочка порождает ощущение дисгармонии со страшной силой, даже несмотря на практически одинаковый оттенок малинового.

Судорожный вдох Гарри становится ожидаемым сигналом появления на сцене Гермионы, и я шустро поворачиваюсь к ней. Девушка медленно спускается к нам. Лёгкая, едва заметная неуверенность в движениях из-за высоких каблуков серебристых туфелек, которые она надевала только на танцевальные тренировки, только придают ей шарм юности и свежести. Туфли мелькают из-под ряби дымчатой бледно-голубой ткани, складки которой вливаются в облегающий корсет, в свою очередь поддерживаемый парой тонких бретелек через обнажённые плечи. В причёске нет даже намёка на её обычную гриву: волосы несильно утянуты назад и вверх, кроме нескольких элегантных локонов, падающих ей на плечи. Из украшений на ней только серебряное ожерелье и серебряные же серёжки-капельки.

Я не успеваю выйти из ментально-чувственного нокдауна, а Гермиона уже стоит перед нами, лёгким откашливанием выводя нас с Гарри из ступора. Очнувшись, я толкаю локтем Гарри.

— О-о... э-э... вау! — “красноречиво” выражает он своё мнение.

Гермиона улыбается с напускной скромностью, явно наслаждаясь оказанным ею на нас эффектом.

— Гермиона, ты выглядишь… — речь наконец-то стимулирует мои мозговые процессы, и я замолкаю — надо дать Гарри высказаться первым, а его “вау” очевидно не в счёт.

— …восхитительно, — заканчивает Гарри, а я молча киваю.

— Мальчики, вы нарочно сговорились, — говорит Гермиона и сжимает губы, чтобы скрыть самодовольную усмешку.

Я помню, что должен похвалить только одну черту, но у меня трудности с выбором. По крайней мере такую, что может быть уместным при наличии компании вокруг.

— Угм… Твоя причёска — изумительна.

На наши неловкие слова она отвечает миленьким румянцем, но тут, после некоей суматохи позади меня, её внимание привлекает что-то за моим плечом.

— Скорее всего тебе стоит сохранить своё красноречие ради этого, Уильям, — и жестом предлагает мне повернуться.

Развернувшись, я наблюдаю появление сестёр Гринграсс из слизеринского коридора. На Дафне облегающее платье из тёмно-зелёной мерцающей ткани, слегка расширяющееся ниже округлостей в верхней части бёдер и чуть-чуть не доходящее до колен. На ногах сверкающие золотом босоножки на высоком каблуке, крепящиеся тонкими ремешками до середины изящной икры в манере, напоминающей древнегреческие фрески. Изящные золотые украшения идеально подчёркивают весь ансамбль.

Астория выглядит принцессой в неменьшей степени. Её фиолетовое платье ещё более напоминает об одеяниях женщин с сохранившихся античных фресок полосами материи гармошкой из мерцающей прозрачной ткани через плечи и верх. Сочетание с цветом глаз просто убойное. Лёгкое расширение ниже талии даёт ощущение фигуры более женственной, чем позволяет её возраст. Туфли и украшения имеют те же оттенки, что и подаренные мне запонки.

И опять они оказываются прямо передо мной до того, как я прихожу в себя.

— Очнись, Уильям, — говорит Дафна с намёком на улыбку.

— Думаю, ты его сразила, — хихикает Гермиона.

— Простите меня, но мои способности формировать связные мысли насильственно приостановлены тремя богинями вокруг меня, — механически выдаю я. — Я даже не уверен, что мой мозг ещё не расплавился от попыток найти удовлетворяющие меня характеристики для запланированного подхалимажа.

— А пока он зачищает себе мозги, должна сказать, что ты, Гермиона, выглядишь восхитительно, — улыбается Дафна, на что следует заметно более яркая вспышка румянца, чем

на наше с Гарри жалкое блеяние.

— Спасибо, Дафна. Ты тоже гораздо красивее, чем обычно.

Эти слова наконец-то ломают затор на пути потока моих мыслей.

— Проклятье, Гарри. Нам только что надрали задницу на нашем же поле. И кто? Другая девчонка!

— Следи за языком, Уильям! — игриво поругивает меня Гермиона. — Здесь леди.

— Жуткая недооценка! В пределах слышимости тут максимум парочка онемевших смертных и трио младших богинь.

— Ты выглядишь совьершенно восхитительная, Давни, — вступает в наш разговор голос с заметным акцентом из-за моего плеча. Повернувшись, я вижу как руку Дафны подносит к губам никто иной, как Виктор Крам. Затем следует быстрый раунд представлений.

— “Совершенно восхитительно”. Слышал, Уильям. По-твоему этого достаточно? — Астория, определённо, тоже в игривом настроении.

— Действительно, я уже отринул простые определения как недостаточные — без обид, мистер Крам. Как может простая пара слов выразить глубину вашей божественной красоты, когда высокий хор серафимов возрыдает на своё совместное прозябание в лоне уродства просто от вашего присутствия?

— Действительно, твой дар преувеличения просто поразителен, — комментирует Гермиона своё и Дафны закатывание глаз на мои слова.

— Я называю это даром правды. Кстати, застенчивость вам идёт, мои дорогие.

— Мистер Лернер, соизволите проследовать в большой зал. Пришло время выхода чемпионов, — вмешивается в наш разговор профессор МакГоннагал. Я откровенно поражён тем, что кроме нас с Асториекй на входе в большой зал остаются только четверо чемпионов со своими парами.

— Прошу прощения, профессор. Увидимся на танцах, леди, джентльмены. — Поворачиваюсь к другой паре. — Мистер Дейвис. Мисс Делакур, позвольте сказать, что вы выглядите совершенно восхитительно сегодня, — моя улыбка остаётся радостной, несмотря на задыхающиеся звуки позади. Мгновением позже Виктор разражается резким смехом. После кивка сбитым с толку Седрику и Чо, предлагаю Астории руку, и мы начинаем наш второй бал за день.

* * *

— Гарри, на этот раз мне нужна твоя помощь, — отлавливаю я его, когда мы пережидаем энергичную песню. Я ещё могу изобразить из себя подобие танцора на медляках, но моё полное неумение попасть в ритм разрушает любую возможность выглядеть не как дурак во время быстрых мелодий. Кстати, похоже, что следующей будет медленная.

— О, — глубокомысленно изображает заинтересованность наш очкарик. Киваю.

— После Сьюзан, я теперь танцевал с хотя бы одной девушкой со всех факультетов Хогвартса.

У Сьюзан Боунс крепкое телосложение, как и у её тети Амелии. Я совершенно изумил её, когда я пригласил на танец вместо более изящной Ханны Эббот или кого-то из более симпатичных хаффлпафок-старшекурсниц, кучкующихся вокруг Седрика Диггори. Ханне пришлось подтолкнуть её во время отнекиваний, чтобы сдвинуть с мёртвой точки. Во время разговора она ещё раз удивилась, что я знаю про её тетю — главу департамента магического правоохранения. Она даже раскраснелась в тон собственным волосам на мои слова о желании потанцевать с ней и по причине её симпатичности, и из-за её, как я слышал, нежелания носить значок Драко. В отличие от подавляющего большинства Хаффлпафа. А вовсе не из-за положения её тёти.

— И? — возвращает моё внимание в настоящее Гарри.

— В-общем, тут присутствуют ещё две группы учащихся, — ухмыляюсь я.

— Ты же не думаешь?.. — о глубине его поражённости моим предполагаемым безумством можно судить по диаметру округлившихся глаз.

— Да, подумал. Но не знаю пределов моего сопротивления её ауре. Вряд ли меня хватит на целый танец. Хотя ты — сможешь.

— А как же Гермиона?

— А то ты не заметил. У неё проблем найти партнёра не будет.

— Я не это имел в виду, — ровным голосом говорит он.

— Флер ей не нравится за то, как на неё реагируют мальчики, — отмахиваюсь я от его возражений. — Ты же её чарам совершенно не поддаёшься, — на что Гарри тяжело вздыхает. — Пока ты от меня всего на хаффлпафку отстаёшь. Пусть Гермиона оценит наши усилия по стимулированию внутришкольного взаимодействия.

— Теперь это так называется? — фыркает Гарри.

— Конечно. Неужели ты думаешь, что я так низко пал и стараюсь потанцевать с наибольшим количеством красивых женщин исключительно для собственного удовольствия?

— Ах, ну да, действительно. Кто же в здравом уме будет так делать?

Мы потихоньку продвигаемся через зал, чтобы выйти на позицию поблизости от делегации Шармбатона, когда нас замечает Гермиона и бросает вопросительный взгляд. Гарри пожимает плечами и показывает на меня пальцем, а я подмигиваю ей. Она закатывает глаза и возвращается к быстрому танцу в компании Джинни, Дина и Симуса. Улыбаюсь и встряхиваю головой. Несправедливо, что любая женщина смотрится хорошо, когда танцует, даже такая заучка, как Гермиона, или такая странная, как Луна. Наверняка им выдают какую-то инструкцию ещё при рождении.

Песня заканчивается и, к счастью, следующая мелодия — медленная. Как и задумывалось, мы оказываемся на пути группы девушек из Шармбатона во главе с Флер. И тут я покрываюсь холодным потом.

— Э, Гарри?

— Твой выход, Уильям, — он ещё и издевается, зараза харизматичная.

— В следующий раз отговори меня, пожалуйста, — бормочу я ему, а потом более громким голосом: — Добрый вечер, мисс Делакур. Мы не говорили раньше? Моё имя Уильям Лернер, — когда её синие глаза встречаются с моими, волна желания угодить ей прокатывается сквозь меня. Лицо у меня вспыхивает от глупого порыва пустить ей пыль в глаза. Понимания этого достаточно, чтобы заткнуть мне рот.

— Уильям, — подталкивает меня Гарри.

— Мисс Делакур, мне желательно знать, не будете ли вы так любезны оказать мне честь… — мой голос напрягается как только она делает движение головой в мою сторону, и призыв становится сильнее. Мои глаза смещаются к её соседке, с досадой смотрящей на меня. — …представить меня вашей красавице-подруге.

На несколько мгновений воцаряется поражённая тишина, пока Гарри не прочищает горло.

— Это правда, Флер. Сам он очень смущался и уже замучил меня мольбами пойти с ним к вам. Я не настаиваю, но не окажешь ли ты честь разделить со мной этот танец?

После слов Гарри к ней возвращается самообладание.

— Коньечно, ‘арри, — и затем поворачивается ко мне со сжатыми губами. — Мсье Лернер, е’ето Вероник Дюбуа, дрьюгайя сьемикюрсница йиз Шармбатон. — И не дожидаясь моих слов она подхватывает и утаскивает Гарри к танцующим, а я немедленно ослабеваю от облегчения при исчезновении её давления.

— Вот это лихо ты отчудил! Ушам своим не верю! — восклицает отошедшая от неожиданности Вероник. У неё практически не заметен акцент, в отличие от Флер.

— Я неравнодушен к брюнеткам, мисс Дюбуа, — пожимаю плечами и предлагаю ей руку. Она принимает её и позволяет отвести себя в круг.

Как ни странно, но она прижимает меня к себе так же плотно, как и Гермиона. Но, кажется, не придаёт этому никакого значения.

— Ей не понравилось, что вы оба сопротивляетесь её ауре. Я, знаешь ли, смогла почувствовать, как сильно она постаралась. Ты держался поразительно хорошо, но Поттер даже не дёрнулся — ни снаружи, ни внутри.

С облегчением выдыхаю, наконец поверив, что вырвался из этой ситуации.

— Я был на грани, ещё чуток, и поддался бы, наверное.

— Ты её собирался попросить? — и изучает меня своими дымчато-зелёными глазами.

— Мелькнула такая идея. Но рад, что передумал и заслонился Гарри. — Она фыркает. — Честно-честно, я предпочитаю брюнеток, — настаиваю на логичности своих действий. — А то, что мне не надо бороться за сохранение рассудка — всего лишь бонус.

Наконец-то она улыбается и качает головой на мои кривляния. Мне удаётся выманить из неё кое-что про Шармбатон и его порядки, и у меня остаётся впечатление, что она рада рассказывать что-то не про Флер. Узнаю, что она также надеялась стать чемпионом своей школы, имея лучшие оценки по ЗОТИ, но, очевидно, кубок предпочёл превосходство умений вейлы-квартеронки в чарах и трансфигурации. На её вопросы о Хогвартсе предлагаю устроить ей экскурсию, но понятно, что парень на пару-тройку лет младше до такой степени серьёзности её не впечатляет. При расставании говорю, что увидимся, но она лишь снисходительно улыбается, уже опираясь на руку кавалера постарше.

Мои злоключения продолжились с Дурмштрангом, где у меня не было выделенной цели. А у

приглашённой мной девушки оказался жутко непрошибаемый акцент, так что она практически ничего не поняла из моих слов.

— Мне пришлось тебя отмазывать, Уильям, — говорит Гарри, когда мы наконец встречаемся, чтобы подкрепиться. — Флер думала, что ты выставил её на посмешище ещё на входе в зал, а потом ты попросил не её, а подругу. — Он мотает головой и восхищённо цокает языком. — Пришлось на пару секунд нырнуть тебе за спину, чтобы она лицо не разглядела, кстати.

— Спасибо, и извини за это вот, — я рад, что Гарри так ловко сымпровизировал и прикрыл меня. — А что ты ей рассказал про сцену на входе?

— Сказал, что ты рассказал Краму шутку, а тот прожирафил из-за языкового барьера, за что и заслужил смешки девушек.

— Восхищён! Значит она не собирается исподтишка атаковать меня аурой?

— Ну, уверенности нет, но она поцеловала меня в обе щёки после песни, — и ухмылка до ушей.

— Удачливая ты зараза. Может стоит и мне пойти и... — но тут меня прерывает его смех.

— Давай-давай, гер-рой-любовник. А мне всё ещё нужна хаффлпафка для комплекта.

— Пойду посмотрю, может удасться подцепить Гермиону и похвастаться моими достижениями, — вслух размышляю я. — К тому же, я всего лишь раз потанцевал с ней.

На что Гарри тут же фыркает.

— Я сказал похвастать? Оговорился, с кем не бывает. Я имел ввиду... донести до неё сведения о тех смиренных жертвах, которые я принёс на алтарь улучшения внутришкольных отношений.

— Да-да, она непременно увидит всё именно в этом ключе. Дерзай, короче.

К сожалению, Гермиона уже занята и танцует ни с кем иным, как с Роном. Признаю, что испытываю некоторое чувство гордости за гораздо большее удовольствие на этом балу и Гарри, и Рона, и близняшек Патил, оказавшихся, кстати, прекрасными танцорами. Продолжив движение вокруг танцпола, натыкаюсь на подмурлыкивающую мелодии Луну, слегка качающуюся вперёд-назад на каблуках с довольным выражением на лице.

— Привет, Луна, — говорю радостно, стараясь проимитировать её мелодичный голос.

А она улыбается, явно отметив эту попытку и отвечает внезапно глубоким голосом:

— Привет, Уильям.

— Можно пригласить тебя на танец?

В ответ она подхватывает мою протянутую руку. Как и раньше, кажется, что она плывёт. Одна вещь мне нравится в ней — с ней приятно помолчать и не ощущать при этом никакой неловкости. Она согласна быть ведомой и крутиться в танце совершенно без слов, даже в случае, когда мы смотрим друг другу прямо в глаза. Это нервировало бы большинство, за редкими исключениями, вроде меня, Гарри и Невилла.

— Спасибо тебе за этот год, Уильям, — внезапно разрушает она все мои умствования и построения.

— О чём ты?

— У меня появилось больше друзей, чем за всю остальную жизнь. Я дружила с Джинни до Хогвартса, но она здесь обзавелась множеством других друзей. А я — нет. До твоего появления.

Я прижимаю её к себе, и она кладёт голову мне на грудь со счастливым вздохом.

— Те, кто не захотел тратить время и узнать тебя, многое потеряли. Сборище глупцов там у вас, в Равенкло.

— Мы не настолько плохи. Многие просто смущаются, особенно с новыми людьми.

— Ладно, может быть. Но факт остаётся фактом — они прошляпили. Мне непонятно, как хоть кто-то может тебя не любить.

— О чём ты говоришь? — Руками ощущаю её напряжение.

— Я сказал, что не знаю, как кто угодно может не любить тебя, как только хоть слегка узнает. Я тебя люблю, и Гарри, и Гермиона. Скорее всего, Невилл тоже, — в этот момент я практически уже несу её, но она такая лёгкая, что совершенно не ощущается.

— Ты… любишь меня?

— Да, люблю. Считал, что ты это поняла, просто глядя на меня, Гарри и Гермиону. Я разглядел тебя. Ты самый искренний человек из известных мне. По правде, я даже слегка перенял кое-что от твоей личности, познакомившись с тобой. — Я должен был это понять ещё когда Гермиона спросила уж не родственники ли мы, но до меня не доходило до сегодняшнего дня, когда я похвастался своим даром правды. — Надо признать, что ты гораздо искреннее в роли самой себя, чем я.

Отвечает она не сразу.

— Надеюсь, в противном случае во мне были бы излишества.

— Ох, — трясусь я от смеха. — Думаю мир бы был гораздо более счастливым местом, если бы в нём было побольше Лун. Ты, Невилл, Гарри, Гермиона...

— Ты тоже, — вставляет она, но я отрицательно машу головой, и моя радость куда-то утекает.

— Нет, не я. Вы все из другого теста, все наивысшего сорта. Я же, в самом лучшем случае, бледная имитация. Я столько скрываю под всеми масками, что...

Она не отвечает сразу, но при этом успокаивается и снова плывёт над полом.

— Ты пользуешься ими во благо, поэтому я останусь при своём мнении.

Прижимаю её поближе. Не хватает духу даже намекать на возможное изменение её мнения в будущем. И указывать, куда ведут вымощенные благими намерениями дороги, не хочу. Эгоистично, но сейчас я воображаю себя тем, кем она меня считает. Могу даже симулировать своё ощущение её понимания на каком-то уровне моих попыток изменить предначертанное. Пусть будет то, что будет.

Заканчиваем танец в молчании, как будто она тоже знает, что я получаю от нашего безмолвного общения. За это тоже я её люблю.

— Слегка запоздала сказать, но я тоже люблю тебя, Уильям, — говорит она перед нашим расклеиванием. Я улыбаюсь и целую её в макушку, своё любимое место.

— Ты не опоздала, — освобождаю одну руку, и мы идём искать Гермиону, при этом Луна всё ещё плотно прижимается ко мне с одной стороны. Цель мы перехватываем, когда она в компании с Роном покидает площадку.

— Вы так трогательно смотритесь на пару, — говорит Гермиона, напомнив мне про наш первый минибал, вот только сейчас она улыбается. — Меняемся?

— Ладно, — решаю понахальничать. — Только я никогда ещё с парнем не пробовал.

Рон тут же издаёт неподдающийся описанию звук омерзения.

— А ты попробуй, Рон, — говорю театральным шёпотом. — Так мы сможем полюбоваться на танцующих вместе Гермиону с Луной.

— Думаю мне приятно было бы потанцевать с Гермионой, — мечтательно говорит Луна.

— Мне тоже, — ухмыляюсь я.

— Пошли, извращенец, — закатывает глаза и хватает меня за руку Гермиона. — Ты мне ещё один танец должен.

— Да, мэм.

— Миледи звучало много лучше.

— Так точно, миледи. Я так и знал, что ты предпочитаешь доми...

— Дурак, заканчивай с извращениями на сегодня, — прерывает она меня. — Ты ведь можешь вести себя со мной прилично.

— Вы меня раните в самое сердце, миледи! За что? Ведь я сдвину гору в угоду вам. Я вырою океан, коль восхочете вы порезвиться в прибое. Я заарканю месяц и притяну его поближе, чтобы ночи ваши стали ярче. Я остановлю само солнце на его пути по небосводу...

— Стоп, — смеётся она. — Поняла я, поняла.

— Фу-ух, хорошо, — преувеличенно изображаю я облегчение. — Я подошёл к пределу возможностей расширения и углубления описаний моей преданности. Оставалась только арена космологии для моего дальнейшего выступления, — за что вознаграждаюсь прелестным лёгким фырком из смешно сморщенного носика.

— И что вы там затевали с такими озорными личиками не так уж давно?

— Я, может, пытался пригласить Флер на танец, — корчу я самонадеянную рожицу.

— Да ну, правда что ли? И что? Получилось?

— В-общем, она добавила мощи в свой вейловский вентилятор. На Гарри не подействовало, конечно. А вот я вообще с трудом соображал. Всё что я смог — это попросить Флер представить меня её подруге.

— Не верю! — глаза у неё округляются после судорожного вздоха.

— Сколько раз уже было, и ты всё ещё сомневаешься в моих рассказах.

— Боже ты мой, Уильям! А она что?

— Они все стояли, как громом поражённые, пока наконец Гарри не вмешался, с ходу сочинив историю для Флер, что я мол весь вечер плешь ему проедал — познакомь да познакомь с её подругой. И сразу пригласил Флер на танец, чем разрушил её контроль надо мной. Он хороший человек, наш Гарри.

— А девушка?

— Вероник Дюбуа, семикурсница из Шармбатона. Слегка напомнила мне тебя, правда не такая симпатичная, — капелька удовольствия от её лёгкого румянца мне не повредит. — Тебе надо бы станцевать с парнем оттуда, если ты ещё не. Пусть расскажет тебе о них. Кое-что из её речей весьма интересно.

— Хм, — говорит она. — Виктор мне рассказывал про Дурмштранг, но я не назвала бы это интересным. Они вообще не принимают магглорожденных!

А мне казалось, что я это помню из одного фанфика про Гарри-близнеца, а оно вот как оказывается.

— Не слишком умно с их стороны. Может, поэтому я их девушке, с которой танцевал, не понравился.

— Она узнала, что ты магглорожденный?

— Не знаю, — пожимаю я плечами. — Она ещё сказала, что я слишком много болтаю.

В который раз мне удаётся поразить Гермиону, но она быстро отмирает, закидывает голову и заливается смехом, разрумянившись и колеблясь всем телом в приступе веселья.

— Дыши, Гермиона, дыши!

— Извини, — наконец говорит она, преодолев самые сильные спазмы. — Может тебе стоило подольше повторять, что ты ей нравишься? Глядишь, она бы и поверила, — и тут же опять покатывается вместе со мной за компанию, теперь уже от собственных слов.

— Тяжело будет рассказать остальное, когда ты так припадочно дёргаешься.

— Хорошо, извини меня, виновата, — притягивает она наши соединённые руки вытереть слёзы из глаз. А сама довольна, как кошка, поймавшая мышь, да ещё в ходе охоты разбившая крынку сметаны. — Что ещё произошло? Кстати, а зачем ты с ней вообще потанцевать решил?

— О да, это же часть моего гениального плана по стимуляции меж-школьных и меж-факультетских отношений. Я танцевал по крайней мере с одной девушкой с каждого факультета и по одной из Шармбатона и Дурмштранга. Гарри решил присоединиться и сейчас догоняет меня.

— А ты уверен, что это не твой гениальный план потанцевать с наибольшим возможным количеством симпатичных ведьм?

Стараюсь выглядеть поражённым до глубин оскорблённой невинности, но тут же получаю от неё взгляд. Тут же преувеличенно поникаю плечами.

— Проклятье!

— Следи за языком, Уильям!

— Прости.

— С кем ты танцевал из Хаффлпафа?

Рассказываю ей про Сьюзан Боунс, и о том, как я заранее верно предположил, что она никогда не носила анти-Гарриных значков.

— Ты прав, сомневаюсь, что она носила бы. Ребёнком Гарри прекратил войну, в которой погибли многие из её семьи. Ну конечно, ты же знал об этом, так? Знаешь, это хорошо — подружиться с ней, когда нам придётся… ладно, не бери в голову. Долой унылость. Смотри, Луна выглядит гораздо счастливее, чем обычно.

— Ты и это заметила? Наверное. Я ей сказал, что люблю её.

— Что? — спотыкается она.

— Ага. Она, кстати, так же прореагировала. Я сказал ей, что ты и я, и Гарри, и, скорее всего, Невилл, все мы любим её, и рассказал ей почему. Она обрадовалась, а потом сказала, что любит меня тоже. — Меня пугает её шокированный взгляд. — Я ведь не соврал? Я имею в виду, как можно не любить Луну?

— Н-нет, ты прав, конечно. Опять ты поражаешь меня. Помни только, что не все говорят про любовь так свободно, как ты. Просто я не сразу поняла, что ты имел в виду. А ты уверен, что она правильно поняла подразумеваемый смысл?

Вспоминаю разговор, и с серьёзным видом киваю головой.

— Я ей правильно сказал… Практически уверен, но вдруг я не полностью убедил её? Думаешь, ей стоит разъяснить? Она не знает обо мне, кроме слов Добби. По крайней мере, я ей не рассказывал. Хотя… иногда она кажется мне даже проницательней тебя.

— Знаешь, — вздыхает Гермиона, — ты вряд ли понимаешь, какое влияние могут оказать такие слова на девушку, которая никогда их не слышала от кого-то вне её семьи. Я поговорю с ней, если ты не возражаешь… ей может быть неудобно, если это будешь ты. Некомфортно, я имею в виду.

— Спасибо, Гермиона. Можешь рассказать ей обо мне всё, что посчитаешь нужным.

— Исключая то, чего я не знаю, — едко подкалывает она меня.

— Угу, исключая, — грустно вздыхаю я и прижимаю её ближе. Она отвечает не сразу.

— Я не собираюсь снова отталкивать тебя, Уильям, — тихо говорит она, как будто знает о моих планах. Мелодия заканчивается, но мы задерживаем объятья ещё на несколько мгновений, когда она глубоко вдыхает и поднимает голову с моей груди. — Ладно, значит мне нужны ещё партнёры из Шармбатона и Равенкло, если я собираюсь… как ты там обозвал? “Стимулировать меж-школьные и меж-факультетские отношения”?

— Рад, что ты разделяешь мою точку зрения.

— Я вижу в таком свете, но это не чисто твоя точка зрения.

— Не понимаю, о чём это ты? — ухмыляюсь я.

— Конечно нет. Иди уж, поищи ещё красивых ведьм потанцевать.

— Ну, если тебе надо выразиться так пошло… Ведь, судя по присутствующим, у меня получается не так уж плохо.

— До встречи, Уильям, — улыбается она.

Невзирая на то, что танец последний, Астория опять использует меня, чтобы энергично покрутиться на танцполе. Мне на самом деле кажется, что предыдущие четыре часа послужили увеличению её энергии. После всех танцев я чувствую себя более уверенно, но куда мне до усвоенного ею количества смелости. Я прорываюсь сквозь добавочные подъёмы, вращения и наклоны, а она хохочет от удовольствия и всё ещё скачет вокруг, как щенок за резиновым мячиком, когда наша совместная группа делится пополам, выйдя из большого зала. Слизеринцы отправляются к своим подземельям, тогда как гриффиндорцы идут к башне Равенкло, проводить туда Луну. Я лыблюсь до ушей, как чеширский кот, когда Дафна позволяет мне обнять и поцеловать её в обе щеки по примеру Астории. Представление

становится шоком для многих и, по-видимому, поощряет более открытые проявления взаимоотношений между членами нашей группы из соперничающих факультетов. Приходится сдерживаться изо всех сил, чтобы не рассмеяться, когда Луна безо всякого стеснения обнимает всех четверых слизеринцев, включая очевидно слишком-поражённого-чтобы-скривиться Блейза.

Когда мы оставляем Луну, естественно после очередного раунда обниманий, а также поцелуев в щёчку меня, Гарри, Гермиону и Невилла, конечно, наша неспешная прогулка наполнена смехом, благодаря рассказам о случившемся как этим вечером, так и раньше в этом году. Надо не забыть ещё раз поблагодарить Невилла за праздничную одежду — без неё я пропустил бы всё веселье.

http://tl.rulate.ru/book/53673/1360821